

*Калинина А.С.,
магистрант,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Отчуждение и любовь в концепции Эриха Фромма

Сквозь работы Эриха Фромма проходит постоянный лейтмотив отделенности человека от мира и других людей и его отчаянного стремления воссоздать связь, включить себя в замкнутую целостность. Новая связь может порождаться либо в спонтанности свободного, продуктивного труда и взаимной любви, либо через препятствующую развитию личности и способствующую отчуждению человеческой сущности самообъективацию. В статье рассматривается действие механизмов отделения и отчуждения в их влиянии на личность и делается попытка раскрыть личностный смысл любви.

Ключевые слова: *отчуждение, личность, свобода, независимость, межличностные отношения, Франкфуртская школа, социальная философия.*

*Kalinina A.S.,
graduate students,
St Petersburg State University*

Alienation and love in the conception of Erich Fromm

The works of Erich Fromm are imbued with a constant leitmotif of the separation of human being from the world and other people and his desperate desire to recreate the connection, to include himself in a closed integrity. A new relationship can be created either in the spontaneity of free, productive labor and mutual love, or through self-objectification that impedes the development of personality and promotes the alienation of the human essence. The article examines separation and alienation mechanisms in their influence on the personality and attempts to reveal the personal meaning of love.

Keywords: *alienation, personality, freedom, independence, interpersonal relationships, Frankfurt School, social philosophy.*

При изучении интеллектуального наследия Эриха Фромма в глаза бросается систематическая связанность и взаимная дополнительность его работ. По замечанию самого исследователя, высказанному в предисловии к книге «Бегство от свободы», это объясняется его ориентацией на историко-психологический проект описания «структуры характера» современного человека [Фромм, 2017: 7], в отношении которого проблемы свободы, любви, человеческой деструктивности и т. д. выступают лишь как частные. На наш взгляд, однако, более важным оказывается то, что через все сочинения Э. Фромма проходит единый концепт человека как расщепленной целостности.

В анализе Э. Фромма человеческий индивид изначально предстает как существо, застрявшее на пересечении биологического детерминизма и исторического релятивизма. Человек, обладающий физиологическими потребностями («есть, пить, спать, защищать себя» [Фромм, 2017: 29]) и способностью к адаптации, приспособливается к современной ему социально-экономической системе, в результате чего формируется его характер, личность, возникают новые потребности и устремления, рассматриваемые уже как «продукты общественного процесса» [Фромм, 2017: 24, 30]. Однако дальше Э. Фромм вводит третий элемент, который составляет «самую суть образа жизни человека» – «непреодолимое» влечение к единению, «необходимость в связи» с другими и с внешним миром, «стремление избежать одиночества» [Фромм, 2017: 30-31], вновь и вопреки доминирующим в психологической науке позитивизму и эмпиризму обращаясь к метафизической проблематике человеческой сущности.

Концепция Э. Фромма выстраивается в понятиях «отделенности» человека, его «отчуждения» и «связи» с миром. Историчность проявляется в способах взаимоотношения с миром, в характере или степени отчуждения и в вариативности возможных связей, но сама суть человеческого существования как диалектического стремления к единству остается неизменной вне зависимости от эпохи и культурного ландшафта. Такая постановка проблемы подчеркивает актуальность размышлений Э. Фромма и для современной эпохи. Нашей целью в данной статье станет попытка указать читателю на целостность и вневременной характер гуманистической концепции социального философа и увязать, на первый взгляд, посвященные разным проблемам работы в перспективе единой идеи духовного и психического развития человека.

Отделенность

Отделенность может пониматься, с одной стороны, как то, с чем мы нежеланно сталкиваемся в процессе взросления, а с другой стороны, в тональности негативной свободы, как то, к чему мы стремимся.

Ключевыми понятиями для углубления первого способа понимания являются «лоно» и «рай». Физическая отдельность индивида становится фундаментом для более значимой символической отделенности.

Изначальное состояние неразделенности, «симбиоз» матери и эмбриона Э. Фромм описывает так: «Плод – часть матери, он получает все необходимое ему от нее. Мать это как бы его мир, она питает его, защищает» [Фромм, 2007]. Рождение, таким образом, становится локальным апокалипсисом, крахом прежнего знакомого и теплого мира. В психоаналитической перспективе, в особенности, у Отто Ранка, рождение предстает как «травма» – и физическая (буквально перерезание пуповины, боль от первого вздоха и т. д.), и культурная [Ранк, 2009]. Э. Фромм отмечает возможность патологической фиксации на материнском лоне, которая проявляется как «желание... вернуться... в ее – всеприемлющее и всеуничтожающее – лоно; быть принятым в это лоно... – и так избавиться от жизни» [Фромм, 2007]. Такое желание, по мысли социального философа и психолога, свойственно

больному, не развившему в полной мере свои душевные силы человеку.

Повторный отрыв от матери происходит уже в младенческом возрасте и связывается с развитием сознания и самосознания. Значение для исследователя имеет уже не столько сам факт физической разделенности, сколько ее переживание и осмысливание со стороны ребенка. Младенец «не чувствует отделенности, пока мать рядом. От [этого] чувства его оберегает физическое присутствие матери, ее груди, ее тела. Только начиная с той поры, когда в ребенке развивается чувство своей... индивидуальности, ему становится недостаточно присутствия матери, и начинает возрастать потребность иными путями преодолеть отделенность» [Фромм, 2007]. О незрелых личностях, которые не сумели вовремя разрешить эдипов комплекс и даже в старшем возрасте «чувствуют себя детьми, жаждут материнской опеки, любви, тепла, заботы и восхищения», Э. Фромм говорит, что они «как бы и не отделились от матери», что заставляет нас предполагать за понятием «отделенности» два значения. Первое — отделенность в травматическом аспекте. Разрыв первоначальной связи, обнаружение матери как отделенного от ребенка существа с собственными целями и желаниями переживается всеми индивидами. Именно в состоянии такой отделенности становится возможным «желание» в направлении матери. Второе — отделенность как независимость. «Здоровый» человек, по Фромму, не «нуждается» в материнской заботе, поскольку не считает себя «беспомощным». Эта независимость, свобода-от в ее абсолютизации, предстает как второй этап на пути к подлинному рациональному единству с другими людьми, сообществом в «спонтанности любви и производительного труда» [Фромм, 2017: 33]. Мы позволим себе провести параллель с философией Ф. Ницше: ум сбрасывает с себя путы традиций и авторитетов, отрекается от всех ценностей, обрекает себя на одиночество в пустыне, после чего медленно выздоравливает и уже свободным возвращается к жизни [Ницше, 2007: 16-19].

Метафора «рая» еще со времени выступления И. Фихте с «Речами к немецкой нации» (а возможно, и много раньше) обозначала для немецкого интеллектуала блаженное, но несамостоятельное, неразумное состояние единства с природой, миром, Богом, в котором пребывал человек. «Потерянный рай» – то, к чему стремится индивид, обретший самосознание, осознавший себя как отделенное от мира, конечное, смертное существо. Э. Фромм подчеркивает, что при падении произошло осознание «различия из-за принадлежности к разным полам». Адам и Ева «стали чужими друг другу», но «еще не научились любить друг друга» [Фромм, 2007]. Это «еще» показывает, что, с одной стороны, негативный аспект отделенности может быть преодолен любовью, а с другой, что эта любовь возможна лишь между самосознающими личностями, уже пережившими травму собственной отделенности.

Ранее мы показали отделенность в первом ее понимании и во втором как два условных этапа. Однако мы бы не хотели, чтобы такая «этапность» была воспринята в качестве жесткой последовательности, полного перехода.

Хотя отделенность-травма, по нашему мнению, является необходимым условием возможности отделенности-независимости, а значит, предстоит ей, она все же не исчезает, не преодолевается вполне. С оптимистичной точки зрения Э. Фромма, эта рана должна зажить, когда личность достигнет пика своего развития и сможет полностью себя реализовать.

Отделенность-травма, видимая в позитивном ключе, подталкивает к саморазвитию, заставляет человека искать пути преодоления разобщенности, одиночества, пусть и делает это крайне неприятным для человека способом. Согласно Э. Фромму, «переживание отделенности рождает тревогу»; поскольку «быть отделенным значит быть беспомощным, неспособным активно владеть миром, [так] что мир может наступать на меня, а я при этом неспособен противостоять ему» [Фромм, 2007], это состояние представляется человеку непереносимым. Напряженность экзистенциальной тревоги побуждает к действию, к созданию связей, как истинной, так и ложных.

Отделенность-независимость выступает как ценность для угнетенного индивида или класса. Негативная свобода-от выстроена на потребности избавиться от чего-либо, связывающего внутренний рост, в первую очередь, от чужого давления и господства. Для подростка, остро осознающего свою индивидуальность и расхождение между собственными потребностями и родительскими запретами, дальнейшее отделение от матери становится более желанным, чем воссоединение с ней. Он ищет той позиции, в которой смог бы в полной мере ощутить себя субъектом своей деятельности и мышления. Однако, оказавшись в таковой, может столкнуться с еще более болезненным, чем прежде, чувством беспомощности. Вопросы, на которые не получается найти ответ, стремления, которые не удается осуществить, мечты, которые начинают пониматься как неосуществимые и переводятся в статус грез, — сталкиваясь с внешними условиями без буфера родительской опеки, подросток нередко испытывает фрустрацию. Тот не всегда осознаваемый вообще и никогда не осознаваемый адекватно (еще не зрелой личностью) внутренний потенциал, ради раскрытия которого и искалась свобода (понимаемая в его перспективе уже как свобода-для), часто оказывается либо закупорен, либо «не пристроен». И в этих условиях, когда искомая цель не оправдала себя, а напряженность экзистенциальной тревоги продолжает действовать, человек «бежит» от обретенной было свободы, ищет себе убежище, пристанище, где сможет, как путник после длинной опасной дороги, на время почувствовать себя в безопасности, — этим «убежищем» может снова стать круг семьи, или харизматичный друг, или церковь, или политический кружок с сильной идеологией, или привычка каждый вечер смотреть под теплым одеялом индийские фильмы. Однако человек, соблазнившийся таким пристанищем и не желающий с ним расставаться, представляется Э. Фромму отвергнувшим самого себя, отказавшимся от становления разумной и ответственной целостной личностью.

Отчуждение

В нашем понимании, как отчуждение может быть описана любая «ложная» связь, выстраиваемая между человеком и миром, любое

(взаимо)отношение, в котором индивид выступает не как полноценная личность, «самость», «бесконечная и многообразная» [Кравченко, 2018], а как слабое, ограниченное существо, вынужденное всецело полагаться на более сильного индивида, социальный институт, различные технические приспособления. Человек «самоустраняется» из собственной деятельности, отказываясь предвидеть последствия и брать на себя ответственность за них. Э. Фромм сравнивает такого человека с идолопоклонником, отдающим свою жизнь на волю им же созданным божкам и истуканам [там же].

Отчужденными мы считаем любые строго ролевые отношения, и в семейном контексте, и в трудовом, и в контексте перверсивных сексуальных практик. «Мать» или «сын», «начальник» или «сотрудник», «официант» или «пожарный» становятся социальными клетками для личности в той мере, в которой мы сводим к этим ярлыкам экзистирующую индивидуальность, предъявляем регламентированные требования и ожидания.

Чужой — это не Другой, не беспредельный и не неизвестный, но, напротив, некто уже определенный, оцененный и отвергнутый (именно в качестве Другого; ведь даже если мы поклоняемся чему-то или кому-то, мы все равно отвергаем это как нечто отличное от созданной нами иллюзии).

Э. Фромм, в целом, продолжает критику отчуждения, а точнее, самоотчуждения, в том направлении, какое было задано К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях» 1844 года, однако, во-первых, переводит внимание с уже, по сути, разложившегося рабочего класса на средний, а во-вторых, переносит акцент на личностные взаимоотношения. Согласно К. Марксу, помимо природы как средства производства и товара как продукта, отчужденный труд отторгает от рабочего: 1) его трудовую деятельность, 2) родовую сущность, 3) другого (человека). Рабочий становится рабом товара и противостоит другим рабочим как конкурирующая с ними за место на фабрике вещь [Маркс, 1974]. Хотя к середине XX века общество в значительной мере трансформировалось, и Э. Фромм, и другой представитель франкфуртской школы Г. Маркузе отмечают, что проблема отчуждения не только не исчерпала себя, но и стала еще более острой. По замечанию Г. Маркузе, в «одномерном» обществе потребления люди продолжают оставаться рабами, пусть и сублимированными; рабство заключается в их статусе вещи или инструмента, средства [Маркузе, 2002]. Э. Фромм разделяет эту точку зрения, критикуя современные ему представления об успехе, а также существующие в рамках капиталистического общества «любовь» и «дружбу», которые сводятся к выведению человеком себя на рынок отношений, подсчету своих «достоинств» (образование, статус, внешность) и обмену «личными пакетами» активов [Фромм, 2007].

Вклад самого Э. Фромма скорее в том, что современную ему «отчужденность» общества он видит в качестве исторического явления лишь по форме, но не по содержанию. Само стремление отделенного, страшящегося одиночества человека «пристроиться» в удобных взаимоотношениях, в «нормальном» обществе, даже если это будет стоить ему подлинной свободы и целостности личности, даже если это сделает его

средством или вещью, не ограничивается конкретной эпохой.

Связи истинные и ложные

Среди связей, которые выстраивает осознавший свою отделенность человек в надежде избавиться от тревоги и одиночества, Э. Фромм выделяет, во-первых, оргиастические — это и архаические техники экстаза, впадение в транс, и алкогольная или наркотическая зависимость, и сексуальный акт, во-вторых, рациональные — приспособление, стадный конформизм, а также описывает творческую и любовную связи. Последние два вида «спонтанной» [Фромм, 2017] связи Э. Фромм считает продуктивными и служащими развитию личности, отмечая, впрочем, что творчество, «свободный производительный труд», хотя и создает единство, но единство еще не межличностное, а значит, не может в полной мере избавиться от морального одиночества [Фромм, 2007].

Любовь же, в его понимании, это активность, заключающаяся в том, чтобы давать, а не брать. Здесь, правда, стоит отметить, что мы отвлекаемся от того контекста «давания», какой задается «обладанием» как модусом существования в противовес «бытию» [Фромм, 2000]. В оргиастических и конформистском способах отношения с миром человек тоже «отдается», но как пассивная вещь, его мнимое «господство» над объектами оказывается скрытой формой рабства. «Брать» он может лишь как продавший себя потребитель.

В любви человек отдает себя любимому, не лишаясь своей целостности, не разрушая себя, он дает как активный разумный субъект, подобно эманулирующему в своей полноте бытию, и так обогащает Другого. В этом акте необходимо «что-то рождается», и это что-то возвращается к дающему [Фромм, 2007]. Как мы видим, для Э. Фромма, в отличие от Э. Левинаса, взаимность — один из важнейших аспектов любви: «Любовь это сила, которая рождает любовь, а бессилие — это невозможность породить любовь»; будучи подлинно любящими, мы становимся и любимыми, что, безусловно, отличается от выгодного обмена в описываемой исследователем «любви» его современников, где человек становится сам товаром для удовлетворения отчужденного другого и, если машина взаимоотношений работает «слаженно», сам требует себе другого как товар для удовлетворения [там же].

Любовь, по Э. Фромму, связана с заинтересованностью в целостном развитии любимого Другого и подразумевает заботу, уважение, ответственность за ближнего (налагаемую не извне, а чувствуемую изнутри, как категорический императив) и знание себя и другого. Только погрузившись в Другого в акте любви, приняв его реального, мы открываем человека как такового, открываем собственную сущность. Чтобы позволить себе вступить в акт любви, мы должны утвердиться в «разумной вере», т. е. в вере в себя как личность и в возможности других людей [там же].

Заключение

Обратившись к работам Э. Фромма, мы выявили в них постоянный мотив обращения к концепции человека как оторванного и отделенного от

мира, но стремящегося сотворить и познать себя как целостную личность и воссоединиться с миром.

Болезненный процесс отделения, физического и символического, оказывается необходим для становления человека свободной, независимой индивидуальностью, однако глубокая травматичность переживания отделенности, наряду с внешними условиями, препятствующими реализации потенциала индивида, порой заставляют человека отказаться от себя, своей свободы и достоинства. Не знающий, как реализовать себя, и страдающий от избытка свободы человек впутывает себя в отчужденные отношения псевдоединства, в которых он, пусть и став лишь инструментом, товаром или социальной маской, все же находит временное утешение и не чувствует невыносимого морального одиночества.

В качестве альтернативы таким «экзистенциальным паллиативам» выступают свободный творческий труд, не приводящий, правда, к межличностному единству, но все равно способствующий реализации индивидуальности и самопознанию, и взаимная любовь.

Список литературы

- Кравченко, 2018 — *Кравченко А.И.* Концепция отчуждения Эриха Фромма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 2018
- Маркс, 1974 — *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс. Ф.* Сочинения, Т. 42, М., 1974
- Маркузе, 2002 — *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002
- Ницше, 2007 — *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов, М., 2007
- Фромм, 2000 — *Фромм Э.* Иметь или быть. М., 2000
- Фромм, 2007 — *Фромм Э.* Искусство любить. Исследование природы любви. СПб, 2007
- Фромм, 2017 — *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 2017

References

- Kravchenko, 2018 — *Kravchenko A.I.* Konceptsiya otchuzhdeniya Eriha Fromma // Scientific reports of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right, 2018
- Marcuse, 2002 — *Marcuse H.* Eros i civilizaciya. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva, 2002
- Marx, 1974 — *Marx K.* Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda // *Marx K., Engels. F.* Sochineniya, V. 42, 1974
- Nietzsche, 2007 — *Nietzsche F.* Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe: Kniga dlya svobodnyh umov, 2007
- Fromm, 2000 — *Fromm E.* Imet' ili byt', 2000
- Fromm, 2007 — *Fromm E.* Iskustvo lyubit'. Issledovanie prirody lyubvi, 2007
- Fromm, 2017 — *Fromm E.* Begstvo ot svobody, 2017